

Часть I

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ

Глава 1

Холодным воскресным днем 9 января 1905 года бледное солнце зависло над крышами Санкт-Петербурга, пытаясь пробиться сквозь тучи, которые тонкой пеленой заволкли небо. Было уже два часа, но тусклый свет почти не согревал тысячи прохожих. Грязно-серый снег на земле скрадывал звуки, погружая город в обманчивое спокойствие.

Из дворов по перекинутым через каналы мостам и по улицам шли длинные вереницы людей; эти живые реки выливались на широкий Невский проспект и текли к Зимнему дворцу. В толпе ходил слух, что утром на другой стороне Невы случилась настоящая бойня, но никто этому не верил.

В конце бульвара, рядом со зданием Адмиралтейства у Невы, отряд конных казаков и гвардейцы Преображенского полка перекрыли улицу, отделяя толпу от тех, кто прогуливался по Александровскому саду. Казаки, в темно-синих брюках с красными лампасами, широких бурках и шапках-папах из овечьего меха, сдерживали горячих лошадей и посматривали сверху вниз на приближающихся людей

с настороженным спокойствием. На то, что происходит нечто необычное, указывали лишь кожаные плети у них в руках.

В нескольких кварталах от этого места по тихой, пустой улочке к Невскому проспекту бежала высокая худая женщина. Кожа ее сохранила юношескую гладкость, но из-за плотно сжатых губ и написанной на лице тревоги Анна Ефимова казалась старше своих сорока двух. Ей было холодно. Она бросилась из дома на поиски дочери так поспешно, что даже не успела как следует одеться, и пушистая шаль на голове не спасала от пронизывающего ледяного ветра. Анна считала кварталы: она уже была на Морской и приближалась к Гореховой. Скоро она минует Кирпичный переулок, а оттуда рукой подать до Невского.

Где искать Надю? Мысленно Анна представила, какой дорогой могла пойти дочь, и решила, что не должна была ее пропустить, если та пошла к дому своего друга самым коротким путем. И о чем она только думала, когда разрешила девятилетней девочке самой идти так далеко? Хотя откуда ей было знать, *что* случится в это воскресенье. Если бы Сергей предупредил раньше... Ее сыну было всего девятнадцать, но он уже имел четкую цель в жизни — стать врачом, как отец. И правда, он так много времени проводил в университете, что иногда даже не знал, что творится в городе.

Анна вздохнула, и морозный воздух обжег ей горло. Она остановилась. Сунув муфту между колен — бросать ее на грязный снег не хотелось, — Анна натянула шаль на рот и нос. Боль в горле сразу приутихла, и женщина поспешила дальше.

Лавируя между людьми, заполонившими Невский проспект, Анна торопливо шла к Александровскому саду. Там она осторожно обошла с правой стороны двойной ряд гвардейцев и остановилась на одной из дорожек, высматривая дочь. Неподалеку перебрасывались снежками мальчик и девочка примерно одного с Надей возраста. По направлению к ним дви-

галась по широкой дороге большая толпа мужчин и женщин. Рассматривая людской поток, Анна вдруг увидела дочь. Укутанная в плотное черное пальтишко с наглухо застегнутым сбоку заячьим воротником, обмотанным толстым шарфом, Надя стояла, сжимая руками в варежках кожаные лямки ранца и притопывая ногами, чтобы согреться.

Неожиданно боковым зрением Анна заметила какое-то движение на улице. Она повернулась. Гвардейцы, стоявшие в переднем ряду заслона, опустили на колени и прицелились в сторону сада. Дети побросали снежки и вскарабкались на ближайшее дерево, а Надя прижала ранец к груди и бросилась к улице, выходящей на Невский. Еще несколько шагов — и она добежала бы до угла, скрылась бы от ружей, но залп грянул раньше. Надя остановилась как вкопанная. Кровь застучала у Анны в висках, когда она ринулась к дочери, пробиваясь через плотную толпу.

Детей, игравших в снежки, на дереве уже не было. Гвардейцы выстрелили в воздух, и девочка, вся в снегу, с красным от крови правым боком, крича и размахивая руками, упала на стоявшую внизу скамейку. Мальчик рухнул рядом, лицом в землю, и лежал неподвижно. Остальные, как и Надя, в панике бросились врассыпную, ища укрытие.

«Господи, только бы добраться до Нади!» Пробившись сквозь обезумевшую толпу, Анна увидела дочь, схватила ее за рукав и закричала:

— Надя! Надя!

При виде матери лицо ребенка сморщилось.

— Мамочка!

Прижавшись к груди Анны, девочка вся дрожала, зубы ее стучали так, что она с трудом выговаривала слова:

— Мама, они стреляли по детям! Там мальчик... и девочка... Они в них попали! В саду... Мамочка, мне страшно!

Анна потащила дочь за руку к Морской улице.

— Бежим, нужно выбраться из толпы!

Прокладывая дорогу между мечущимися людьми, которые, казалось, бежали в разные стороны, мать и дочь уже прошли полпути, когда воздух разорвал новый залп. Надя прижалась к матери и спрятала лицо у нее на груди. Анна, обернувшись, увидела спины прохожих, убегающих на соседние улицы.

Задумавшись всего на пару секунд, Анна схватила Надю за руку и потащила за собой на другую сторону Невского. Но до Полицейского моста и Мойки был еще квартал, и им по-прежнему приходилось проталкиваться через бушующее человеческое море. Когда снова раздались выстрелы и толпа взревела, у Нади подкосились ноги, и она упала бы на мостовую, если бы не держалась за руку матери.

— Мама! Мне страшно! — крикнула она сквозь слезы. — Я больше не могу бежать!

И в этот миг какая-то толстая женщина, пробегая мимо, зацепила Надю боком. Та едва не упала на скользкий снег, а ее ранец отлетел на несколько шагов прямо на середину дороги, и девочка, отпустив руку Анны, бросилась за ним.

— Надя! Вернись!

Но дочь не послушалась. Она наклонилась, чтобы поднять ранец за лямки, и замерла. К ней по снегу текла блестящая красная струйка, и сквозь мелькающие ноги бегущих людей она увидела лежащую бесформенной грудой женщину. Вокруг ее головы расплзалась лужа крови. Анна подхватила дочь.

— Сюда, Надя! Бежим сюда!

Пока люди вокруг толкались и давили друг друга, Анна вытаскивала Надю за угол. Там крики и вопли были уже не так слышны — их заглушали ряды зданий, которые отделяли их от Александровского сада. Морозный воздух впивался в лицо Анны сотней невидимых иголок, и в неожиданно наступившей тишине она вдруг услышала, как надсадно бьется ее сердце. Опустив глаза, она увидела, что лицо дочери блестит от слез. Девочка остановилась и обхватила себя руками.

— Мама, там женщина лежала! Я видела кровь! Прямо на земле, мама! — Надя всхлипывала. — Мама, ее же затопчут насмерть!

— Наденька, я знаю! Знаю! Но что мы можем сделать?

У двери их дома Надя хотела задержаться, но Анна потянула ее за собой во двор. Там она остановилась и обняла дочь.

— Здесь мы в безопасности, слава Богу!

— Мама, а почему солдаты стреляли в детей?

— Наденька, солнышко, это была ужасная ошибка! — ответила Анна. — Сережа сегодня домой прибежал, он рассказал мне, что рабочие Путиловского завода утром собрались и пошли все вместе к царю. Они хотели просить его сделать что-нибудь, чтобы им стало легче жить. И когда они были еще на другом берегу Невы, казаки приказали им разойтись. Но рабочие не послушались, сказали, что хотят мирно вручить царю петицию!

Тут голос Анны задрожал, и она замолчала. Но в следующее мгновение продолжила, прижав к себе Надю:

— Солдаты начали стрелять по шествию еще до того, как они дошли до Троицкого моста!

— Но почему в детей, мама? — упрямо повторила Надя.

— Наденька, я думаю, что солдаты просто заволновались, когда увидели, что на них движется большая толпа, и хотели выстрелить в воздух, но эти дети забрались на дерево, у них над головами... Это была страшная ошибка!

Надя молчала. Ужас только что пережитого явственно отражался на ее побледневшем лице, когда мать повела ее через коридор в квартиру, где стоял привычный запах лекарств. Дома Анна помогла дочери снять пальто, которое та дрожащими руками повесила, аккуратно разгладив складки. Анна наблюдала за ней с болью в сердце. Дети! Надя видела, как они катались на коньках, смеялись, играли в снежки, а потом — эти мертвые тела в лужах крови.

Ее мысли прервал жалобный голосок: